

Элеонора

= Элеонора?!

Отец в шоке расширил глаза.

— Что ты здесь делаешь?!

На его лице была смесь ужаса и недоверия.

— Мне жаль, что я не смогла вытащить тебя, — разрыдалась я.

— Я хотела, правда хотела, но я знала, что это невозможно с такими мерами безопасности.

— Ш-ш-ш, не смей меня, я знал, что ты ничего не сможешь сделать, — утешал он меня. — Я благодарен тебе за то, что ты не пыталась меня спасти. Я принял последствия и знал, что делаю. Но почему ты все равно здесь?

Я поморщилась от этой мысли.

— Это из-за ребенка Джены, — сказала я. — Они все думают, что я отравила его какой-то травой, чтобы вызвать выкидыш.

— Что?! Джена потеряла ребенка? Но это же безумие! Почему они обвиняют тебя?

— Разве это не очевидно? — горько улыбнулась я. — Конечно, все будут указывать пальцем на отвергнутую императрицу. Они обыскали мою комнату. Они нашли траву, о которой идет речь, под моей кроватью, хотя я никогда в жизни ее не видела. Я понятия не имею, как ее туда подложили.

— Мне очень жаль, доченька. Я обещал твоей маме заботиться о тебе, но у меня не получилось.

Его глаза слезились при виде моих слез. Я никогда раньше не видела, чтобы он проявлял столько эмоций, столько печали.

Даже когда умерла мама, он на некоторое время замкнулся в себе, чтобы скрыть эмоции от других.

— Прости меня, отец. Я был таким разочарованием для тебя, для нашей семьи.

Я плакал, глядя в потолок, пытаюсь остановить слезы. Я не могла смотреть на него.

Наш титул и герцогство были отняты несколько дней назад императорским орденом.

Они сказали, что мы с отцом давно планировали восстание.

Это было довольно правдоподобно, ведь мой отец направил свой меч на императора, а меня обвиняют в убийстве наследника престола.

Захватить наше герцогство было нелегко, так что он, должно быть, давно собирался это сделать.

Только я не видела всего этого.

Катейн только использовал меня... Я никогда не нравилась ему как жена. Ему всегда нравилась Джена, это было так очевидно.

Я была настолько ослеплена его светом, что игнорировала очевидную правду, лежащую на поверхности.

В конце концов, все, что я сделала для этого человека, принесло позор нашей семье, я видела это на его лице все эти годы.

Моя любовь к нему отняла все у меня и моей семьи.

— Эле, нет, никогда. Ты никогда не разочаровывала меня, и никогда не сможешь.

Он обхватил мое лицо руками, и его голос был таким нежным, таким тихим, но в то же время наполненным такой печалью.

Я в шоке уставилась на него.

— Но разве ты не ненавидишь меня за то, что я сбежала, когда на наш дом напали, и мама пожертвовала собой ради меня?

— Нет! Конечно, нет, — сказал он, почти обидевшись. — Я был разочарован тем, что не смог спасти твою маму. Я был разочарован тем, что не смог смотреть тебе в глаза из-за чувства вины. Я знал, как он обращался с тобой, но ничего не сделал. Это я должен извиняться, а не ты. Я должен был забрать тебя раньше. Мне так жаль, Эле.

Мой отец плакал, слезы обильно падали по его лицу.

Мой отец, герцог империи, такой сильный и могущественный, плакал передо мной, извиняясь за то, что не совершил предательства и не помог мне сбежать раньше.

Это было удивительно, и тогда я прошептала отцу.

— Отец, на самом деле... я беременна. Если мне удастся вернуться живой, то я сбегу. Если нет, то...

Мой отец сначала был удивлен, а потом попытался обхватить меня руками и неловко обнять.

— Мне жаль... Очень жаль...

Когда нас разделили холодные металлические прутья, он прижал свой лоб к моему, и мы оба вместе заплакали.

— Ты так много страдала в одиночестве. Теперь я еще больше виноват в том, что не смог спасти дочь и внука.

Прошла еще одна минута, и Чарльз прочистил горло позади нас.

— Пора идти, командир, — неловко сказал он.

Я знала, что для него это зрелище было странным или, может быть, даже тяжелым.

Не так давно он служил под началом нас обоих, смотрел на нас снизу вверх.

И вот мы вместе рыдаем между прутьями камеры, прощаясь.

Я кивнула головой и неохотно отодвинулась от отца.

Это была одна из самых трудных вещей, которые мне когда-либо приходилось делать в жизни.

Чувствовала ли я себя лучше, зная, что отец не ненавидит меня, если бы я умерла сегодня вместе со своим ребенком?

Или мне было бы легче, если бы я сказала, что беременна?

Нет, если бы я сказала об этом, то моего ребенка постигла бы та же участь, что и других моих детей.

Для меня лучше умереть вместе с ребенком, чем позволить ему умереть одному.

Я уверена, что его разлучат со мной, как только он родится.

И перед детьми Джены он всегда будет оставаться в стороне, как ребенок императрицы-грешницы.

Раньше были только Рена и Мария, а теперь еще и мой отец.

Как я могла отпустить их?

Они почти наверняка умрут, потому что пытались помочь мне.

Любовь ко мне принесла им смерть.

— Я люблю тебя, Эле, — сказал отец в последний раз, прежде чем Чарльз повел меня безвольную назад.

— Я так сильно тебя люблю, всегда любил. Пожалуйста, не забывай об этом.

— Я тоже люблю тебя, папа, — заплакала я и увидела отца в последний раз.

Темная камера подземелья казалась мне дорогой в ад, к гибели, несмотря на то, что я ничего не делала.

Холодное одиночество, которое она вызывала у меня, было похоже на зимние ночи, без лунного света, который освещал бы мне путь.

Мне некуда было бежать: что же пошло не так?

Как моя любовь купила мне смерть?

Неужели любовь к тебе была для меня запретным плодом?

Думаю, да...

Любовь к тебе была проигрышной игрой с самого начала, я просто решила проиграть по собственной воле.

Кого я могу винить за свою глупость?

<http://tl.rulate.ru/book/92142/2997923>